

ственно представить, что *narigón* и *narigudo* совпадают во всех даваемых словарем значениях. На самом деле они синонимичны лишь в первом значении, а другие два относятся только к слову *narigón*.

Есть в словаре и отдельные недосмотры. Укажем на некоторые из них. Существительное *sinhueso* «язык» ошибочно помечено значком мужского рода. В действительности оно употребляется в женском роде, что объясняется ассоциацией со словом *la lengua*. В прежних изданиях словаря этого недосмотра не было.

Выражение *darse cuenta de* переведено глаголом «понимать», причем не фиксируется другое, не менее широко распространенное значение «замечать». Ср. *No me di cuenta de como entraste* «Я не заметил, как ты вошел».оборот *caer en la cuenta*, напротив, переводится только глаголами «замечать, усматривать». На самом деле, он означает также «понять».

Не ясно, почему *vendepatrias* имеет помету «pl.» и переводится как «торговцы родиной». Это слово может употребляться как во множественном, так и в единственном числе. В статье *volverse* отсутствует едва ли не центральное значение «обернуться, повернуться». Слово *impostor* означает не только «клеветник», но и «самозванец». *Libreta* в современном языке это не только «записная или сберегательная книжка», но и «ученическая тетрадь». *Idiosincrasia* не является эквивалентом соответствующего русского термина.

Слово *genérico* вряд ли может означать «неопределенный» (артиклъ), как думают авторы словаря. Одно из значений слова *orden* переведено: «арх. стиль, орден». В действительности, в архитектуре имеются *ордера*, а не *ордена* (ср. *коринфский ордер*, *сложный ордер* и др.).

Число неточностей, пожалуй, можно было бы умножить. В огромном материале, трактуемом словарем, они в той или иной степени неизбежны. Но отдельными недочетами не могут быть заслонены такие несомненные достоинства рецензируемого Испанско-русского словаря, как богатство и разнообразие лексического материала, хорошо продуманные словарные статьи, точные и сжатые переводы. Издательство иностранных словарей выпустило еще одну работу, которой заслужило искреннюю признательность лиц, практически пользующихся словарем.

Н. Д. Арутюнова

Л. И. Жирков. Лакский язык. Фонетика и морфология. Отв. ред. Е. А. Бокарев. М., Изд-во АН СССР, 1955. 160 стр. (Ин-т языкознания АН СССР)

1

Л. И. Жирков уже много лет работает над исследованием горских языков Дагестана, к которым принадлежит и лакский язык, и приобрел имя крупного специалиста в этой области кавказской лингвистики как автор ряда ценных работ¹. Основной задачей рецензируемой книги Л. И. Жирков выдвигает исследование грамматического строя лакского литературного языка.

Первым серьезным научным исследованием этого языка был большой труд П. К. Услара «Лакский язык», относящийся еще к 60-м годам XIX в., но опубликованный лишь в 1890 г.² Труд этот, конечно, устарел и требует коренного пересмотра; он сохраняет ныне свое значение главным образом как детальное собрание языковых фактов. Этот материал необходимо дополнить новыми данными и он должен быть теперь описан по-новому.

Основную часть книги Л. И. Жиркова и составляет описательно-нормативная грамматика современного лакского литературного языка, изложенная с учетом не только требований науки, но и потребностей школы. Фонетика, выведенная за пределы грамматики, но тесно с нею связанная, также выдержана в плане научного опи-

¹ См. Л. И. Ж и р к о в, Грамматика аварского языка, М., 1924; е г о ж е, Грамматика даргинского языка, М., 1926; е г о ж е, Табасаранский язык, М.—Л., 1948; е г о ж е, Грамматика лезгинского языка, Махачкала, 1941; е г о ж е, Об основном словарном фонде горских языков Дагестана, ВЯ, 1953, № 3; е г о ж е, Спряжение глагола в лакском и даргинском языках, «Доклады и сообщения [Ин-та языкознания АН СССР]», вып. VII, М., 1955 и др.

² См. П. К. У с л а р а, Этнография Кавказа. Языкознание, [вып.] IV, «Лакский язык», Тифлис, 1890 (литографированное издание, выпущенное самим Усларом, относится к 1864—1865 гг.); см. также А. S c h i e f n e r, Ausführlicher Bericht über Baron P. v. Uslar's Kasikumükische Studien, «Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg», 1866, t. X, № 12.

сания с элементами нормативности. Автору следует поставить в заслугу умение, с каким он на немногих страницах этой главы (гл. II, стр. 6—18) охарактеризовал сложную систему звуков лакского языка, включающую в себя 41 согласный при всего лишь трех гласных (с восемью вариантами).

Звуки лакского языка, расклассифицированные по определенным свойственным им артикуляционным признакам, представлены в системе на сводной таблице (стр. 7), подробно затем разъясненной. Для большей понятности своеобразных явлений лакской фонетики автор прибегает местами и к сопоставлению этих явлений и особенностей с соответствующими русскими. Этот способ изложения также принят, очевидно, в интересах школьного преподавания и должен, по видимому, служить и популяризации изложения, рассчитанного на широкий круг читателей неспециалистов, интересующихся языком (работников печати, журналистов, писателей, поэтов, литературоведов).

2

Языковой материал в книге распределен по частям речи, причем особое внимание уделено важнейшим из них — имени существительному и глаголу. Такое расположение материала, вызываемое к тому же особой, исключительной сложностью структуры этих главных частей речи в лакском языке (как и в других горских языках Дагестана), следует, таким образом, признать правомерным.

Может показаться на первый взгляд большой диспропорцией количественное соотношение между морфологией, которой здесь отведено 114 страниц (стр. 19—133), и синтаксисом, основные правила которого занимают всего 5 страниц (стр. 134—139). Но, во-первых, автор излагает в книге лишь морфологию, а синтаксис привлекает только в той мере, в какой это требуется для общей характеристики строя предложения. Во-вторых, грамматические связи в лакском языке обеспечиваются необыкновенно богатой системой морфологических форм глагола (спряжение) и имени (склонение), из которых особое значение имеет система классов, связывающая члены предложения согласованием.

Таким образом, кажущаяся диспропорция между морфологией и синтаксисом находит свое объяснение в характернейшей черте грамматической структуры лакского языка, которую можно назвать не только богатством морфологических форм, но и прямо гипертрофией последних. Чтобы яснее представить себе это явление, достаточно напомнить читателям, что в лакском языке существует 40 падежей в именах существительных (стр. 35), а в глагольной системе насчитывается до 680 форм (из них 50 форм типа причастий, деенричастий, отглагольных существительных; приблизительно 520 временных форм, изменяемых по лицам и выражающих лицо глагола; 70 форм повелительных и желательных и около 40 запретительных [отрицательных повелительных] форм) (гл. VII, стр. 76¹).

3

Характернейшей особенностью лакского языка, как и других дагестанских горских языков, является наличие грамматических классов, отличных от грамматического рода индоевропейских языков. Поэтому рассмотрению грамматических классов автором уделено в главе «Имена существительные» большое внимание и много места (стр. 19—28). Для большей наглядности изложения и легкости усвоения автор на кратких и схематических примерах показывает, что лакский язык имеет пять классов согласования, обозначаемых тремя основными классными показателями (стр. 19—21). В настоящее время классов осталось четыре, от пятого класса сохранилось лишь одно существительное. Современному сознанию распределение по классам имен существительных в большинстве случаев представляется непонятным. Лишь классы I и II по своей семантике ясны: к I классу относятся существительные, обозначающие мужчин и те существа, которые олицетворяются в представлении людей в виде мужчин (*адамина* — «человек», «мужчина», *пну* «отец», *уссу* «брат», *зал* «бог», *малайик* «ангел» и др.). Ко II классу относились раньше преимущественно названия лиц женского пола; ныне в этом классе сохранилось лишь несколько таких существительных (например, *нину* «мать», *щарсса* «женщина», *квари* «старуха»). Интересно, что женщины, самостоятельно работающие, относятся к III классу, куда издревле входило слово *душ* «девушка», «дочь», «девочка».

¹ Это обилие морфологических форм — явление, общее северокавказским горским языкам, как войнахским, так особенно дагестанским, о чем дают достаточно ярко представление труды П. К. Услара и А. А. Шифнера. См., кроме того, A. Dîrg, Einführung in das Studium der Kaukasischen Sprachen, Leipzig, 1928; см. также ряд его работ, напечатанных в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа».

Не поддается объяснению распределение всех прочих различных по своим смысловым значениям многочисленных семантических разрядов имен существительных в III и IV грамматических классах (стр. 22—28). Критерий классификации имен существительных по грамматическим классам установить ныне невозможно, ясно лишь то, что в глубокой древности эта классификация имела какую-то мотивировку, какое-то семантическое обоснование, которое сохранилось в виде какой-то унаследованной от седой старины тенденции, подсказывающей лакам и ныне, к каким классам относить даже заимствованные слова (ср., например, *локомотив* — III класс, а *локомобиль* — IV класс, хотя семантически здесь один и тот же класс названий машин и др.). Дальнейшие подробности мы рассматривать не можем в связи с небольшим объемом нашей статьи, хотя вопрос, затронутый выше, очень интересен¹. Отметим только один важный факт, что показатель класса обнаруживается не в именах существительных, а лишь в согласуемых с именами существительными прилагательных, местоименных (не всех), числительных, в глаголах и даже некоторых наречиях. В редких случаях классные показатели сохранились как начальные согласные, так сказать, окаменевшие, ныне уже не воспринимаемые говорящими и потому не изменяющиеся по согласованию.

4

Склонение имен существительных (стр. 28—44) лакского языка также отличается своеобразием, образуя хотя и единую систему словоизменения, как говорит автор, но весьма сложную в морфологическом отношении. Весьма велико число падежей, причем сложность строения форм склонения зависит еще от той особенности, что падежные формы в обоих числах обычно образуются не просто присоединением падежного окончания к именному корню (как, например, в слове *тта* «овца» — род. падеж *тта-а*), а еще «вставкой» между корнем и падежным окончанием (ср., например, *ниц* «бык», род. падеж *ниц-а-а*, и сложнее — *лу* «книга», род. падеж *лу-ттира-а*).

«Вставки» эти трудно объяснимы — их нельзя с уверенностью признать ни частью падежных окончаний, ни отдельными инфиксами в составе падежных форм. И нужно одобрить осторожность автора, проявленную им и в данном случае.

Падежная система лакского языка объединяет 40 падежных форм, которые могут быть подразделены на две неравные по числу падежей группы. Первая группа состоит из 8 падежей (именительный, родительный, или possessивный², дательный, исходный, сопроводительный, сравнительный, падеж со значением «ради...» и падеж со значением «вследствие...»).

Другая группа — это многочисленные «местные» падежи, которые вообще характерны для горских языков Дагестана. Они обычно составляют ряд «серий», различающихся по значению — особому характеру локализации. В лакском языке их 32, которые могут быть разделены на 6 серий полных по 5 падежей плюс одна серия из двух падежей.

Мы согласны с автором, который отстаивает наличие всех указанных падежей, в противоположность мнению ряда исследователей, считающих некоторые падежные формы «послеложными», т. е. сочетаниями имени с послелогами. Указание Л. И. Жиркова на то, что в лакском языке употребляются как падежные формы с падежными окончаниями, так и параллельные им синонимического значения сочетания, в которых за падежной формой с падежным окончанием ставится послелог, существующий в языке как отдельное слово (см. стр. 38), мы считаем достаточно убедительным аргументом.

5

В настоящей рецензии совершенно невозможно остановиться даже бегло на целой массе вопросов, рассмотренных в данной, казалось бы небольшой, книге, которая

¹ За последние тридцать-сорок лет как в советском, так и в зарубежном языковедении проблема деления имен на классы привлекла к себе серьезное внимание. См., например, Ю. Д. Дешериев, Специфика проявления абстрагирующей роли грамматики в системе грамматических классов, «Доклады и сообщения [Ин-та языковедения АН СССР]», вып. VII, М., 1955, стр. 69—73. Из зарубежной литературы вопроса можно было бы ограничиться двумя сравнительно новыми и серьезными по содержанию книгами: Gerlach Royen, *Die nominalen Klassifikations-Systeme in den Sprachen der Erde*, Wien, 1929; Georges Dumézil, *Introduction à la Grammaire comparée des langues Caucasiennes du Nord*, Paris, 1933, где первая глава (стр. 1—44) посвящена «Вопросу о классах» (*La question des Classes*). Очень кратко этот вопрос изложен у Дирра в его «Einführung...».

² Автор подчеркивает, что в своих прежних работах он применял этот термин, чтобы избежать недосудности в названиях падежей, в данной же работе, уступая давней традиции, употребляет обычный термин — «родительный».

очень насыщена языковым материалом, привлеченным автором для описания — более или менее кратко — остальными частями речи. Понятно, что известная неравномерность глав, посвященных описанию этих частей речи, обусловлена прежде всего той ролью, какую играют в языке эти части речи, тем количеством форм, которыми они обладают, и тем количеством вопросов, какие возникают у исследователей при их изучении и требуют разрешения.

В рамках данной рецензии приходится выбрать для анализа лишь самое важное, в данном случае глагол, исследование которого связано с наибольшими трудностями уже по количеству глагольных форм (см. стр. 76—77). В изложении П. К. Услара лакский глагол представлен довольно хаотично, его усвоить можно только с большим напряжением. Л. П. Жирков сумел преодолеть эту хаотичность, сумел привести хаос в систему.

Глаголы действительно образуют различные формы спряжения, в которых выражаются: 1) вид глагола (недлительный, длительный, или повторный), 2) время глагола, 3) наклонение глагола (модальность), 4) лицо и число глагола. Залоговых форм лакский язык не знает, но он может их выражать при помощи различных комбинаций своих личных форм, которые согласуются в лице — частью с прямым дополнением, частью с подлежащим.

Основной формой глагола принято считать инфинитив, от которого вполне регулярно могут быть образованы две остальные формы глагольных основ (корень глагола и корень с инфиксацией классных показателей), а от них уже далее образуются и все прочие формы глагола.

Лакский инфинитив (с окончаниями *-ан, -ин, -ун*) можно сблизить с инфинитивом русского языка. Аварская форма инфинитива есть отглагольное имя, которое может склоняться, лакская же, как и русская, этого изменения не знает. Автор решительно высказывается против признания отглагольного имени (ср. русское *взятие* при инфинитиве *взять*) начальной формой глагола, чему способствовало учение арабистов о так называемом «масдаре» арабской грамматики, который является отглагольным именем действия (ср. *каин* «бытие» от *кан* «он был», аварское склоняемое *босизе* «взять»). Так как и П. К. Услар считал инфинитив исходной и основной формой глагола в лакском и с практической стороны она удобна благодаря аналогии с русским, мы вместе с автором высказываемся за это мнение (стр. 78).

Второй факт, о котором необходимо помнить при характеристике лакского глагола, — это то, что формы глагольного словоизменения по своему производству представляют собой три системы, образуемые: 1) от корня глагола, 2) от инфинитива и 3) от корня с инфиксацией, причем инфигируются те же классные показатели, которые типичны не только для лакского языка, но и для других дагестанских языков — согласные *б, в, д (р)*, подвергающиеся фонетическим изменениям, позиционно обусловленным (стр. 82—86).

Выработанную П. К. Усларом систему четырех спряжений, обоснованную некоторыми фактами вицхинского наречия, Л. П. Жирков отвергает по двум соображениям, которые и нам кажутся важными: 1) современный литературный язык создан на базе кумухского наречия, а не вицхинского; 2) лакские школьные грамматики, составленные по нормам литературной кумухской речи, дают классификацию, признающую лишь три спряжения. Автор строит дальнейшее изложение системы лакского глагола на этой классификации спряжений. Мы считаем, что он поступает правильно, что аргументы его вполне убедительны (стр. 85—87).

В заключение обзора глагола отметим, что автор придумал очень удачный, на наш взгляд, способ постепенного ознакомления читателя со сложной структурой лакского глагола, с его огромной массой форм. Эту массу форм нет возможности наглядно представить в одной общей и полной таблице, поэтому Л. П. Жирков предлагает читателю несколько упрощенную таблицу, разбитую на части; в таком виде она легче воспринимается при чтении соответствующего текста¹. Например, в таблице на стр. 89 дана наглядная, легко запоминающаяся схема формобразования по трем видам глагола и трем разновидностям формобразования. Формы, образованные от корня переходного глагола, перечислены, например, в таблицах на стр. 95—97.

На этом приходится заканчивать рассмотрение чрезвычайно сложной, но столь же интересной системы лакского глагола, которую Л. П. Жирков сумел своими удачно составленными таблицами приблизить к пониманию читателей, в числе которых, очевидно, прежде всего будут сами лаки.

И не только в разделе о глаголе, но и во всем труде видна рука мастера, сумевшего дать основательное и научное описание этого своеобразного языка. Нет сомнения, что и русские читатели, в том числе языковеды, не владеющие лакской речью, получат очень доходчивое и ясное изложение грамматики этого трудного для недагестанцев языка.

М. Я. Немировский

¹ Такие таблицы читатель найдет на стр. 89, 95—100, 109—111, 113—115.